

**К 80-летию
Первого
Космонавта**

Александр Железняков

«Поехали!»

Мы – первые в космосе

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ж 51

Оформление серии *П. Волкова*

Фотография на обложке: Архив РИА Новости

Железняков А.

Ж 51 «Поехали!» Мы — первые в космосе / Александр Железняков. — М. : Яуза : Эксмо, 2014. — 288 с. — (Гагарин. К 80-летию первого космонавта).

ISBN 978-5-699-70986-1

К 80-летию Юрия Гагарина. Подлинная история величайшего прорыва XX века. Неизвестные подробности первого полета в космос: какие были проблемы в ходе орбитального витка и посадки, кто первым встретил Гагарина на земле, где и как он провел первые часы после возвращения с орбиты? Всё о рождении пилотируемой космонавтики и ее нынешнем состоянии, о несбывшихся надеждах и причинах застоя и упадка...

Но какие бы тернии ни преграждали путь к звездам, ничто уже не в состоянии отменить того факта, что у истоков «Космической Одиссеи» человечества стояли наши соотечественники, первой в космосе была наша страна, XX столетие навсегда останется в человеческой памяти веком Гагарина и Королева, а русское слово «спутник» вошло во все основные языки, как и легендарное гагаринское «ПОЕХАЛИ!».

УДК 82-3

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-70986-1

© Железняков А., 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

12 апреля 1961 года

Раннее утро 12 апреля 1961 года. На открытой всем ветрам стартовой площадке космодрома Байконур (правда, таковым он станет через несколько часов, когда придет пора оповестить весь мир о начале новой эпохи) возвышается окутанная клубами пара ракета-носитель «Восток». Именно эта махина должна впервые в истории человечества вывести в космос единственный корабль с человеком на борту.

Десятки специалистов снуют возле стальных опор, удерживающих ракету в вертикальном положении. Последние предстартовые операции, последние проверки перед тем, как в кабине космического корабля займет свое место пилот-космонавт и прозвучит команда «Пуск».

В небольшом домике, расположившемся в двух километрах от стартовой площадки, играют подъем двум старшим лейтенантам: Юрию Гагарину, которому согласно решению Государственной комиссии предстоит занять место в кабине «Востока», и его дублеру Герману Титову, готовому в любую минуту заменить товарища, если с тем случится — не дай Бог, конечно, — что-нибудь непредвиденное. После короткой физзаряд-

ки — завтрак, предполетный медицинский осмотр и одевание скафандров. Тут же специалисты проверяют приборы и аппаратуру, вмонтированную в облачение космонавтов. Затем Гагарин и Титов надевают гермошлемы, на которых чуть ли не в последнюю минуту красной краской кем-то было написано: «СССР».

Космонавты выходят из домика и садятся в автобус. Кроме Гагарина и Титова в нем врачи, техники, товарищи по отряду космонавтов. Автобус медленно трогается, чтобы отвезти своих пассажиров туда, откуда при благоприятном стечении обстоятельств начнется оглушающая всемирная слава одного из них.

В пути пришлось ненадолго остановиться в степи. Обыкновенная человеческая слабость — Юрию Гагарину захотелось ... в туалет. Неуклюжий в своем космическом одеянии, он подошел к правому заднему колесу автобуса и с немалым трудом, но справил свою нужду.

Еще через несколько минут автобус останавливается у подножия ракеты. До этой минуты будущий командир «Востока» и его дублер, можно сказать, «шли по жизни рядом». Но далее их пути разошлись. Один, тот, кому предстояло стать ПЕРВЫМ, покинул автобус и направился к ожидавшим его членам Государственной комиссии, а другой, который спустя несколько месяцев стал ВТОРЫМ, смотрел на происходящее из автобусного окна. И грустил, что это не он готовится сейчас бросить вызов природе.

Гагарин бодро докладывает председателю Государственной комиссии о своей готовности к полету, выслушивает теплые пожелания провожающих, жмет протянутые руки.

А потом лифт возносит Гагарина к космическому кораблю, что находился почти на самой верхушке ра-

кеты. Космонавт занимает свое место внутри аппарата, который, к слову, совсем небольших размеров.

В ожидании старта Гагарин провел в кресле «Востока» более двух часов. Это время было необходимо, чтобы проверить бортовое оборудование, связь. Кстати, со связью были некоторые проблемы — «Земля» не слышала космонавта. Правда, потом эти неполадки были устранены, и в эфире вновь зазвучали голоса тех, кому предстояло изменить Судьбу человечества.

Настроение у Гагарина, как впоследствии вспоминал он сам, было хорошим. Он докладывал о готовности к старту, о своем самочувствии, шутил. Да и у других настроение было приподнятое.

Еще одна проблема возникла, когда проверяли герметичность. Прошло всего несколько минут, как космонавта «замуровали» в кабине, и вдруг Гагарин услышал, что люк вновь открывают. Он даже не успел подумать, что сегодня может не полететь, как в динамике раздался спокойный голос Королева:

— Не волнуйтесь, один контакт не прижимается чего-то. Все будет нормально.

И действительно, техники подправляют концевые выключатели и плотно закрывают крышку люка. Потянулись последние минуты томительного ожидания.

Чем меньше времени оставалось до старта, тем меньше людей оставалось вблизи ракеты. Специалисты один за другим удаляются на безопасное расстояние. Кто-то занимает свое место под сводами расположенных неподалеку бетонных бункеров, а кто-то просто уезжает в степь, чтобы оттуда наблюдать за величественным стартом «Востока».

Наконец объявляется минутная готовность. Но не надо думать, что ровно через минуту ракета взлетела.

Нет. Команда лишь означала, что осталась одна минута до следующей команды.

Вот эта минута истекла и в динамиках прозвучало: «Ключ на старт!» Это в какой-то степени знаковая команда. После нее при помощи поворота специального ключа подготовка запуска переводится в автоматический режим.

Еще минута, и звучит: «Протяжка один!» Включился многоканальный наземный регистратор, и специальная бумажная лента протягивается под самописцами. Отсюда, кстати, и название команды. После этого начинается запись данных о состоянии бортовых систем.

«Продувка!» Магистраль горючего и окислителя двигательной установки ракеты продуваются сжатым азотом — для «противопожарного освобождения их от паров горючего и окислителя», как написано в инструкции.

«Ключ на дренаж!» Прекращается подпитка баков ракеты компонентами топлива, и дренажные клапаны закрываются.

И наконец, долгожданный «Пуск!». Правда, это не значит, что сейчас начнется полет. Это лишь констатация факта, что все системы носителя задействованы и действительно наступает режим пуска.

«Протяжка два!» Включается регистрирующая аппаратура собственно стартового комплекса, бумажные ленты регистраторов протягиваются. Включаются и автоматические кинокамеры, фиксирующие старт.

«Наддув!» Включается режим наддува баков ракеты от бортовых систем, и по показаниям соответствующих датчиков проходит информация о готовности к старту третьей ступени ракеты.

«Земля — борт!» От ракеты отходит кабель-мачта с многоканальным штекером. Ракету и Землю больше ничего не связывает. После этого третья ступень носителя начинает работать от бортовых источников питания.

«Зажигание!» Открывается клапан магистралей окислителя, затем клапан горючего, раскручивается турбонасосный агрегат, срабатывают пироустройства, установленные в соплах двигателей, и происходит поджиг топливной смеси.

«Предварительная!» Стреляющий убеждается, что все камеры двигательной установки работают штатно.

«Промежуточная!» Двигатели постепенно выходят на режим, тяга растет и наконец превышает стартовый вес ракеты, которая начинает медленно подниматься.

«Подъем!» — радостно кричит стреляющий.

Часы показывают 9 часов 7 минут по московскому времени.

Юрий Гагарин произносит в микрофон ставшее впоследствии таким знаменитым «Поехали!».

Вот как описал эти мгновения сам Юрий Гагарин, докладывая Государственной комиссии на следующий день после приземления:

«Со старта... слышно, когда разводят фермы, получаются какие-то немного мягкие удары, но прикосновение, чувствую, по конструкции, по ракете идет. Чувствуется, ракета немного покачивается. Потом началась продувка, захлопали клапаны. Запуск. На предварительную ступень вышла. Дали зажигание, заработали двигатели, шум. Затем промежуточная ступень, шум был такой, приблизительно, как в самолете. Во всяком случае, я готов был к большему шуму. Ну и так

плавно, мягко она снялась с места, что я не заметил, когда она пошла. Потом чувствую, как мелкая вибрация идет по ней. Примерно в районе 70 секунд плавно меняется характер вибрации. Частота вибрации падает, а амплитуда растет. Тряска больше получается в это время. Потом постепенно эта тряска затихает, и к концу работы первой ступени вибрация становится как в начале работы. Перегрузка плавно растет, но нормально переносится, как в обычных самолетах. В этой перегрузке я вел связь со стартом. Правда, немного трудно было разговаривать: стягивает все мышцы лица.

Потом перегрузка растет, примерно достигает своего пика и начинает плавно вроде уменьшаться, и затем резкий спад этих перегрузок, как будто вот что-то такое отрывается сразу от ракеты... Ну и потом начинает эта перегрузка расти, начинает прижимать, уровень шума уже меньше так, значительно меньше. На 150-й секунде слетел головной обтекатель...»

Выведение корабля прошло нормально. Если точнее, в «допустимых пределах». В самом начале полета, когда ракета стремительно набирала высоту и скорость, были несколько секунд, когда пропала связь, и на Земле перестали слышать голос космонавта. Что успели подумать в эти несколько секунд Королев и его соратники, находившиеся в пункте управления, можно только догадываться. «Разгерметизация? Взрыв? Смерть космонавта под тяжестью перегрузок?» Наверняка у многих Главных прибавилось в тот миг седых волос — столь велико было напряжение, столь огромна ответственность, которая свалилась на их плечи. Но через несколько секунд связь восстановилась, и бодрый голос Гагарина возвратил всех к жизни.

Через девять минут после старта корабль был на орбите. Радости тех, кто его создавал, кто готовил космонавта к полету, кто с волнением следил за стартом, не было предела.

Спустя еще несколько десятков минут о полете корабля «Восток» с человеком на борту узнал весь мир. Сказать, что полет Юрия Гагарина восхитил человечество, — все равно, что ничего не сказать. Люди были взволнованы, поражены, шокированы, воодушевлены, восхищены.

Подберите сами слова, которые наиболее точно отражают то, что происходило в тот день в различных уголках планеты.

Пока человечество еще только «переваривало» выплеснувшуюся на него весть, а Юрий Гагарин наслаждался чувством невесомости, полет корабля «Восток» уже подходил к завершению. Наступила пора возвращаться на Землю.

Посадка — самая опасная часть полета. Она больше всего беспокоила конструкторов. Еще во времена беспилотных испытательных пусков посадка доставляла больше всего проблем. И именно на участке спуска Гагарину пришлось пережить те минуты, когда благополучный исход всего «мероприятия» висел буквально «на волоске».

И вновь выдержка из доклада Юрия Гагарина Государственной комиссии:

«Я почувствовал, как заработала ТДУ (тормозная двигательная установка. — А.Ж.). Через конструкцию ощущался небольшой шум. Я засек время включения ТДУ. Включение прошло резко. Время работы ТДУ составило точно 40 секунд. Как только включилась ТДУ,

произошел резкий толчок, и корабль начал вращаться вокруг своих осей с очень большой скоростью. Скорость вращения была градусов около 30 в секунду, не меньше. Все кружилось. То вижу Африку, то горизонт, то небо. Только успеваю закрываться от Солнца, чтобы свет не падал в глаза. Я поставил носик к иллюминатору, но не закрывал шторки.

Мне было интересно самому, что происходит. Разделения нет. Я знал, что по расчету это должно было произойти через 10—12 секунд после включения ТДУ. По моим ощущениям, больше прошло времени, но разделения нет...

Я решил, что тут не все в порядке. Засек по часам время. Прошло минуты две, а разделения нет. Доложил по КВ-каналу, что ТДУ сработала нормально. Прикинул, что все-таки сяду, тут еще все-таки тысяч шесть километров есть до Советского Союза, да Советский Союз тысяч восемь километров, до Дальнего Востока где-нибудь сяду. Шум не стоит поднимать. По телефону, правда, я доложил, что ТДУ сработала нормально, и доложил, что разделение не произошло.

Как мне показалось, обстановка не аварийная, ключом я доложил «ВН» — все нормально. Лечу, смотрю — северный берег Африки, Средиземное море, все четко видно. Все колесом крутится — голова, ноги. В 10 часов 25 минут 37 секунд должно быть разделение, а произошло в 10 часов 35 минут».

О том, что разделение отсеков произошло с задержкой и чем это грозило, очень долго молчали, стараясь не «смазать» благостную картину великого свершения. По большому счету, делали это зря — рассказ о трудностях, которые удалось преодолеть космонавту и конструкторам, уже тогда помог бы лучше осознать

величие подвига, который был совершен на глазах всего мира.

Но задержка с разделением отсеков была не последней неприятностью, которую в тот день приготовил Его Величество Случай. Видимо, Судьбе было угодно, чтобы Юрий Алексеевич доказал всем и навсегда, что ему по праву принадлежит пальма первенства.

Где-то на высоте семи тысяч метров космонавт катапультировался из кабины и продолжил спуск на парашюте. Да, интересная деталь. О том, что космонавт спускался на Землю на парашюте, в 1961 году сказано не было. Наоборот, всячески уверяли и нас, и иностранцев в том, что Гагарин во время приземления находился внутри аппарата. Делалось это из «благих побуждений»: при регистрации в Международной федерации авиации рекордов, установленных во время полета, могли возникнуть некоторые сложности. Поэтому решили подстраховаться испытанным способом — ложью.

Обман вскрылся довольно быстро, но еще долгие годы официально тиражировалась именно эта версия. Даже Гагарину во время одной из пресс-конференций на прямой вопрос о том, как он садился, пришлось, глядя прямо в глаза собеседнику, сказать, что он находился внутри спускаемого аппарата. Сейчас ясно, что все это было излишне — никто и не собирался оспаривать наш приоритет. Но тогда...

Еще один фрагмент из доклада Юрия Гагарина членам Государственной комиссии:

«Я стал спускаться на основном парашюте... Думаю, наверное, Саратов здесь, в Саратове приземлюсь. Затем раскрылся запасной парашют, раскрылся и повис вниз, он не открылся, произошло просто открытие ранца...

Тут слой облачков был, в облачке поддуло немножко, раскрылся второй парашют, наполнился, и на двух парашютах дальше я спускался...»

Еще одна нештатная ситуация, причем очень и очень опасная. Запасной парашют на то и запасной, чтобы пользоваться им в крайнем случае, когда откажет основной. А спускаться на двух — это чрезвычайно опасно. К счастью, и здесь все закончилось благополучно.

И наконец, последняя неприятность произошла уже на Земле, после приземления — не открылся клапан, подававший в скафандр воздух для дыхания. Так получилось, что когда космонавта одевали перед посадкой в корабль, этот клапан попал под демаскирующую оболочку. Космонавту потребовалось минут шесть (по оценке самого Гагарина), чтобы его достать. Лишь расстегнув оболочку, с помощью зеркала вытащил треклятый тросик и открыл его.

Так завершился этот героический полет. Все его стадии были риском, цена которого — жизнь. Гагарин рисковал ради прогресса всего человечества, а не только ради славы своей страны. И победил. Ну а дальше были цветы, награды, мировая слава и жизнь, короткая, но яркая.

А потом были новые полеты в космос. По пути, проложенному Юрием Гагариным, прошли сначала десятки, а теперь уже и сотни людей. А пройдут тысячи и миллионы. Но как бы далеко мы ни удалились от Земли в стремлении познать и покорить пространство и время, мы всегда будем помнить о том, кто «всех нас позвал к звездам».

ГЛАВА I

Мечты, мечты...

Стремление преодолеть земное притяжение и отправиться к звездам у человека появилось давно. Я бы даже сказал, что оно было у людей всегда. Об этом думали еще наши далекие пращуры, жившие в пещерах. Со страхом и восхищением взирали они на птиц, летевших навстречу Солнцу, и мечтали отправиться вслед за ними.

Судя по всему, желание побывать в других мирах (даже не зная о существовании этих самых миров) было у человека столь сильным, что последующие поколения впитали его буквально «с молоком матери». Именно поэтому идея покорения Вселенной пронизывает большинство дошедших до нас легенд, преданий, мифов древних народов. Их можно встретить и у греков, и у римлян, и у ассирийцев, и у китайцев, и у индийцев, и у многих других.

Например, в поэтическом трактате неизвестного автора, найденном в библиотеке царя Ашурбанипала, описывается полет на орле ассирийского царя Этана на небо, к богам, в поисках «травы плодородия». Он якобы поднялся на такую высоту, что Земля представлялась ему сначала «как гора», затем «как рощица», а по-